НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ К БИОГРАФИИ А.А. ШОГЕНЦУКОВА (К 120-летию классика кабардинской литературы)

Хакуашева Мадина Андреевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (ИГИ КБНЦ РАН), dinaarma@mail.ru

Статья посвящена новым сведениям биографии классика кабардинской литературы Али Асхадовича Шогенцукова, первого профессионального литератора, творчество которого выросло результатом ассимиляции базовых основ многовекового развития черкесской культуры. С другой стороны, его творческое наследие, художественные открытия обусловили процесс становления нового типа художественного национального сознания.

Значимость творческой эволюции поэта заключается не только в формировании и развитии его творческой индивидуальности, но и значительном влиянии на становление самой национальной литературы. Речь идет не только о высокой степени преемственности знаковых элементов, предшествующих эпистеме национальной культуры, к которым восходит творчество поэта XX века, но и о том, что в его художественном мире на глубинном уровне встретились и пересеклись Запад и Восток, Россия и Кавказ, ислам и социализм. Этим многообразием слагаемых объясняется значимость и противоречивость его творчества.

Статья содержит новые факты, объясняющие отсылку на фронт классика кабардинской литературы А. Шогенцукова, которые долгое время не оглашались по идеолого-политическим соображениям. Сталинские репрессии, которые затронули практически все окружение поэта, нашли концептуальное документальное подтверждение и явились непосредственной причиной его отправки на фронт. Приводятся архивные материалы, раскрывающие обстоятельства пребывания в немецком плену и проливающие свет на выдающиеся личностные характеристики, которые стали очевидными в пограничной ситуации.

Ключевые слова: художественная эволюция, национальная литература, политический режим, сталинские репрессии, архивные материалы, концлагерь, новая реальность.

Говоря о литературном процессе XX века и месте в нем кабардинской литературы, следует иметь в виду, что его эволюция была бы невозможна без художественного опыта Али Шогенцукова.

Значимость творческой эволюции поэта заключается не только в формировании и развитии его творческой индивидуальности, но и значительном влиянии на становление самой национальной литературы. Ученик баксанских просветителей, Али Шогенцуков в своей творческой судьбе воплотил высшие общечеловеческие идеалы, оставаясь преданным сыном своего народа. Таким образом, художественный мир кабардинского поэта становится равновеликим многовековой адыгской культуре. Выросший на стыке многообразных культур, кабардинский поэт оказывается своим для любой из них, оставаясь при этом глубоко национальным. Основа поэзии Али Шогенцукова, генезис жанровой системы, особенности поэтики, мифо-фольклорные заимствования берут свое начало в художественных традициях народных певцов – джегуако [1].

А.А. Шогенцуков родился в октябре 1900 года в селении Старая Крепость в многодетной семье Асхада Шогенцукова. Отец будущего поэта умер еще до Октябрьской революции, а родной брат Али Шогенцуков в 1918 г. служил в белой армии. Семья имела хороший достаток, отец служил старостой села. В формировании мальчика определяющим оказалось влияние деда Пшикана Шогенцукова, известного сказителя, прекрасного знатока устного народного творчества. Становление юного поэта проходило в период формирования баксанского просветительского движения, которое связано в первую очередь с именами А. Дымова и Н. Цагова.

Н. Цагов вернулся на родину из Турции в конце 1913 года, чтобы по предварительному договору преподавать арабский язык и другие предметы в Баксанском медресе. Но местные князья Атажукины, остерегаясь распространения революционных идей, не оказали поддержки молодому преподавателю. Учитель Цагов впервые за время существования медресе начал преподавать естествознание, арифметику на родном языке. Однако новая система обучения мало отвечала интересам мусульманского образования. Вскоре молодой Цагов был отстранен от работы руководством школы. А. Шогенцуков, ученик медресе, с возмущением воспринял отстранение любимого учителя, публично выступил в его защиту и был за это отчислен.

Вскоре в Кызбуруне Н. Цагов организовал свою школу, куда поступил исключенный из медресе сохта А. Шогенцуков. Через год его, как примерного и преуспевающего ученика, отправили учиться в Темир-Хан-Шуру (ныне г. Буйнакск, Дагестан), на семимесячные курсы, готовившие учителей. Свое дальнейшее образование юноша продолжил в Крыму, в Бахчисарайском педагогическом училище. На этом этапе Шогенцукова застала Февральская, а затем Октябрьская революции. Началась Гражданская война и, не имея возможности вернуться на родину, он вынужден был эмигрировать в Турцию. Новая страна встретила его неприветливо. Юный Шогенцуков не смог поступить в педагогическое училище, начал работать грузчиком в порту.

С черкесами-соотечественниками юношу свел случай, – они оказались рядом, когда с ним случился голодный обморок в стамбульском порту во время работы. С их помощью Али Шогенцуков поступил в педучилище, начал принимать участие в работе черкесских клубов. Вероятно, идея установить связь с их наиболее активными деятелями принадлежала самому Н. Цагову, которых он мог рекомендовать юноше до отъезда. Вскоре появилось первое стихотворение «В турецком саду», написанное в Стамбуле.

В 1908 году под руководством младотурок было сформировано конституционное правительство. Придя к власти, младотурки стали придерживаться реакционных позиций и установили в стране диктаторский режим. Кроме проведения реформ они проводили гонения на нетурецкие народы. Умонастроение молодого Н. Цагова созвучно той атмосфере в адыгских клубах, которая царила в то время. Их лидеры инициировали дух национальной и культурной независимости среди черкесских эмигрантов, что являлось одной из форм протеста против политики пантюркизма. Подобные мотивы звучат в другом стихотворении, написанном вскоре после первого – «Чингизово черное знамя...».

Вскоре в детском журнале на турецком языке было впервые напечатано стихотворение юного Али Шогенцукова «Нана».

В мае 1919 года юноша возвратился на родину, но вскоре отбыл на годичные «Восточные политические курсы» в Баку. По окончании учебы его направляют в Дагестан для работы в органах ЧК. Вскоре молодой поэт вернулся на родину и начал сотрудничать с газетой «Красная Кабарда».

С 1923 года А. Шогенцуков решил посвятить себя учительству. Он начал работать в сельской школе, открытой в родном ауле. С утра до позднего вечера

приходилось ходить по домам односельчан и бороться за каждого ученика, а заодно разъяснять роль и значение просвещения. Требовалось преодолеть невозможное: вызвать сдвиг в массовом сознании крестьян, пробудить тягу к знаниям. Год спустя после создания в 1924 году национальной письменности начала выходить газета «Карахалк» («Беднота»), которая ранее называлась «Красная Кабарда». Сохранив преемственность, она выходила на 4 языках: русском, еврейском, кабардинском, балкарском. Вокруг печатного органа стали группироваться молодые литераторы. На страницах газеты (кабардинская версия) одна за другой выходили стихи А. Шогенцукова, публицистические статьи, в которых автор рассказывал о необходимости образования, роли сельского учителя, создания литературного языка. Этим проблемам были посвящены статьи «Вчера и сегодня», «Наш язык нетрудно возродить», «Ученье – свет», «Кто душой ближе к народу» и другие.

А. Шогенцуков напряженно работает над составлением программ для начальной школы и школ ликбеза, учебников и пособий, методических рекомендаций для учителей, штат которых был еще очень ограничен.

Одновременно Шогенцуков проводил большую работу по сбору, систематизации и изучению устного народного творчества, выезжая по воскресеньям в другие села, в которых проживали известные старики-сказители.

В 1927–1929 годах Шогенцуков работал в Баксанской сельскохозяйственной школе преподавателем кабардинского языка, а затем и директором. В конце 1929 года он получил назначение на должность инструктора-методиста Баксанского района, где проработал вплоть до 1934 года.

В 1935 году Али Асхадович был назначен директором Верхнекуркужинской неполной средней школы. В 1936 году с согласия областного отдела народного просвещения он переходит в Союз писателей Кабардино-Балкарии. К этому времени были написаны «Зимняя ночь», «Мадина», «Пуд муки», «Камбот и Ляца», «Под старой грушей». В связи с новым назначением Шогенцуков с семьей переехал в Нальчик и поселился в Вольном Ауле, в доме Карашая Гешева.

Переходный этап, становление социалистических основ жизни приобретали небывалые, непривычные формы для традиционного, патриархального уклада кабардинцев: начальный этап урбанизации, становление города, формирование первых национальных культурных центров и городской творческой интеллигенции – вот лишь малый перечень в кругу острых противоречивых преобразований 30-х годов. Так, впервые был создан национальный театр, формирование которого проходило в сложных условиях: отсутствие опыта, традиционная устойчивая адыгская мораль, которая ассоциировала театральную роль с «низким» амплуа ажигафа, общее недоверчивое отношение к театральным жанрам, особенно с женским участием. Однако вопреки этим обстоятельствам сложилась талантливая молодая труппа артистов первого национального театра, и Шогенцуков был приглашен в качестве литературного консультанта. Для только что созданного ансамбля песни и пляски он написал множество песен на музыку композитора А.М. Авраамова. Такие стихи, как «Накулен», «Колыбельная», «Хамид», «Лина-трактористка», «Стахановцы» и др. были переложены на музыку и стали народными песнями. Шогенцуков перевел на кабардинский язык значительное число советских песен, в частности, песни на стихи С. Алимова, М. Исаковского, несколько десятков русских народных песен. Большое значение поэт придавал развитию оперного искусства, обратившись к замечательным русским традициям: начал переводы текстов из оперы Рубинштейна «Демон», «Ходим мы к Арагве светлой», из оперы Мусоргского «Хованщина» – «Поздно вечером сидела».

В 1940 году А.М. Авраамов и А.А. Шогенцуков начали работу над созданием первой национальной оперы. Либретто было подготовлено поэтом, в его основу легла драма «Кызбурун». В архиве поэта сохранилось девять арий. До нас дошла только одна песня для хора «Песня рабов», в которой была использована адыгская народная песня (Х. Хавпачева, 2000).

А.А. Шогенцуков отводил театру особое место в развитии национальной культуры, принимая в его работе самое активное, непосредственное участие. Обладая тонкой художественной интуицией, прослушивал первые постановки, присутствовал на репетициях, помогал молодым режиссерам и актерам. Прекрасный знаток кабардинского языка и фольклора, он тесно сотрудничал с мелодистами и музыкантами в обработке народных песен и наигрышей; с хореографами и артистами ансамбля песни и пляски – в первых сценических постановках национальных танцев. Зимой 1934 года ансамбль песни и пляски выезжал в Москву. Кабардинским ансамблем заинтересовался М. Горький, принимавший артистов у себя на даче. В дальнейшем произведения самого поэта получили театральное воплощение. В 1950 году на сцене кабардинского национального театра А. Шортановым был поставлен спектакль «Камбот и Ляца» по мотивам романа Али Шогенцукова. В начале 50-х годов композиторы М. Балов и Т. Шейблер независимо друг от друга начали работать над созданием национальной оперы, однако на протяжении двух десятилетий были написаны лишь отдельные музыкальные номера. В результате длительных творческих усилий в 1969 году была закончена полная версия первой национальной оперы, написанной в классическом стиле. На либретто Х. Хавпачева в 1950 году музыку написали М. Балов (первые два акта) и Х. Карданов (3 и 4 акты). Премьера оперы «Мадина» состоялась на сцене Государственного Музыкального театра 18 апреля 1970 года.

В 1961 году постановлением Совета Министров республики Кабардино-Балкарскому театру было присвоено имя А.А. Шогенцукова, это событие было отмечено постановкой спектакля по поэме Али Асхадовича Шогенцукова «Мадина».

В 2001 г. композитором Вл. Моловым была написана опера «Камбот и Ляца» по одноименному роману в стихах Али Шогенцукова. Премьера состоялась в Музыкальном театре в 2001 году.

Правительство республики высоко оценило вклад А. Шогенцукова в развитие кабардинской национальной культуры. Указом Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР от 20 ноября 1939 года за выдающиеся заслуги в области создания и развития национального искусства кабардинского народа А.А. Шогенцукову было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель искусств КБАССР».

В 1939 году А. Шогенцуков избирается депутатом Нальчикского городского Совета. В этот период он ведет активную общественную работу, ежедневно принимая избирателей, действенно реагируя на их нужды.

Пристальный интерес и любовь кабардинского поэта к классической русской, советской и национальной литературе воплотились в переводах М. Горького («Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике»), И. Крылова («Ворона и лисица»), произведений К. Хетагурова, Т. Шевченко, В. Маяковского, С. Алимова, Ф. Канатова.

Этот период был отмечен ужесточением политики сталинских репрессий. По стране проводилась тотальная чистка «врагов народа». Под этим лозунгом был по существу уничтожен цвет национальной творческой интеллигенции республики, активно мыслящих людей, которые ясно понимали цели и задачи своего народа, могли видеть пути развития национальной культуры.

Имея за плечами годы обучения в «капиталистическом зарубежье» (существует мнение, что после учебы в Турции А. Шогенцуков возвращался домой через Францию), формируясь и взаимодействуя с «неблагонадежными», большая часть которых оказалась репрессированной, не боясь свободно высказываться и действовать, обладая высокой степенью независимости и бескомпромиссности, А. Шогенцуков сразу привлек к себе внимание органов НКВД. В 1928 году он был исключен из профсоюзов, причиной явилась работа в медресе. В 1932 году политическая «неустойчивость» поэта была усугублена тем, что он выступал

против образования колхозов: «Будучи в 1932 г. инспектором Баксанского района, Ш. высказывал антиколхозные настроения» (Архивные материалы на Шогенцукова А.А. Гос. архив КБАССР Фонд 1, опись 1, дело 2103, с. 2). Очевидно, по этой же причине фамилия его не значилась в списке делегатов 1 съезда писателей Кабарды 1933 года.

Соответственно, Шогенцуков не попал на Первый Всесоюзный съезд советских писателей в 1934 году. Х. Теунов писал: «Большим событием в жизни поэта был Первый Всесоюзный съезд советских писателей, который проходил при самом непосредственном участии и под руководством Алексея Максимовича Горького. Шогенцуков, когда работал в органах народного просвещения, его почему-то не послали на съезд...» (Х. Теунов, 1955).

За поэтом была установлена слежка, которая очень осложняла его жизнь. А. Шогенцукова неоднократно предупреждали об ожидаемом обыске его квартиры, и поэт каждый раз собирал все свои рукописи, увозил их в Баксан и сжигал те из них, которые ему казались наиболее опасными.

Из архивных материалов следует, что «Шогенцуков имел связи с участником ликвидированной в 1937 г. контрреволюционной буржуазно-националистической организации – Налоевым Джансохом» (Архивные материалы на Шогенцукова А.А. Гос. архив КБАССР. Фонд 1. Опись 1. Дело 2103. С. 2). Талантливый ученый, литератор, мыслитель, директор научного института КБАССР, Дж. Налоев был расстрелян в 1937 году, когда ему было едва за тридцать.

Арест «врагов народа» в 1937–38 гг. Шогенцуков рассматривал как уничтожение передовых слоев общества – образованной молодежи. «...Думают ли руководители Советской власти методом запугивания и беспощадного подавления всякой живой мысли сделать что-либо полезное для России» [2: 3]

На самом деле, обстоятельства поспешной мобилизации поэта в ряды Красной Армии в начале Отечественной войны долгое время до конца не были выяснены. Станным казался и тот факт, что А. Шогенцуков, занимая ответственное общественное положение в республике, на тот момент являясь председателем Союза писателей, не получил бронь. Однако недавно стали ясны подробности его призыва на фронт. В подъезде, в котором на первом этаже по улице Горького 35 проживала семья Шогенцуковых (ныне квартира превращена в дом-музей), этажом выше жил военком, который возглавлял республиканский военный комитет.

В один из вечеров Али Шогенцуков, приглашенный соседом-военкомом «на чай», поссорился с ним. Речь зашла о Русско-Кавказской войне. Когда беседа вошла в опасное русло, Али Асхадович прямо назвал это событие оккупацией Северного Кавказа, в том числе его родины Кабарды, что оно является военным преступлением, поскольку произошло массовое убийство и депортация всего оставшегося населения черкесов в Турцию.

Эти сведения сообщила супруга Али Шогенцукова, Шаидат Батоковна первоначально исследователю жизни и творчества кабардинского поэта Хакуашеву А.А. В то время он был аспирантом, эти сведения были им записаны и все это время находились в его личном архиве. Они не были оглашены по той причине, что для середины XX века была характерна довольно жесткая цензура, и книга об Али Шогенцукове бы не вышла. Все последующие годы данная причина не разглашалась исследователем по известным идеолого-политическим соображениям. Этот факт публикуется впервые с разрешения А.А. Хакуашева.

За несколько лет до начала войны А. Шогенцуков заметил за собой слежку, и это имело свои причины. Его учителями, как было отмечено, были Нури Цагов, Адам Дымов, которых преследовало НКВД. Адам Дымов был дважды арестован и в 1937 году расстрелян.

Не последнюю роль в совокупности причин, инициировавших интерес НКВД, сыграл факт происхождения кабардинского поэта. Согласно архивным документам,

найденным кфн КБГУ А. Абазовым в ЦГА КБР, Али Шогенцуков был уоркско-го (дворянского) происхождения [3].

Этот факт в свое время был фальсифицирован, А.А. Шогенцуков получил статус «пролетарского поэта» в соответствии с негласными требованиями идеологии начального советского периода.

А. Шогенцуков считал, что в условиях современного ему политического режима нет свободы, о которой он мечтал, чтобы «можно было писать то, что хочется сердцу».

После отправления на фронт в доме поэта со слов его жены оставался «мешок бумаги», исписанной стихами и поэмами. Али Асхадович завещал опубликовать эти произведения, если не вернется с войны. Мешок с рукописями перевезли в Баксан, но после войны они были утеряны наряду с поэмой «Кызбурун».

После выматывающего неусыпного контроля со стороны органов НКВД он встретился с Беталом Калмыковым, который заверил А. Шогенцукова, что очень ценит его творчество, что с первым поэтом Кабарды ничего не случится. Эти слова оказались пророческими: пока был жив Б. Калмыков, Али Шогенцуков был в безопасности. Скорее всего, это было связано с тем, что республике требовался «первый поэт», который автоматически приобретал статус «неприкасаемого». Калмыков погиб в начале 1940 года, оказавшись жертвой «красного террора», активно поддерживаемого им же, и возобновившаяся «репрессия» Али Шогенцукова заключалась в отправке на фронт. Вполне возможно, что «дружба» соседа-военкома была продемонстрирована с целью спровоцировать ссору, вызвав поэта на обсуждение самой уязвимой темы для любого прогрессивного черкеса. Так, очевидно, был «разыгран» повод, чтобы избавиться от неугодного. Вероятно, представителями органов были учтены даже особенности личности Али Шогенцукова, известного своим горячим непримиримым нравом.

Друзья Али Шогенцукова пытались помочь ему, то есть хотели ходатайствовать перед руководством республики отменить решение послать его на фронт. Но это предложение Шогенцуков категорически отклонил, возразив, что он такой же простой человек, как и все, и должен с оружием в руках защищать свою страну.

Вскоре ему вручили повестку, и Шогенцуков был зачислен в строительный батальон. Железнодорожный состав, в котором следовал на фронт поэт, под Полтавой остановили, бойцам приказали убирать коноплю. В это время был сброшен немецкий десант, безоружных бойцов пленили, а позже стало известно, что военнопленных перебросили в Бобруйский концлагерь на территории Белоруссии.

Пленных перевозили в вагонах для скота. По пути следования не кормили. По свидетельству соотечественника Али Шогенцукова Лалу Хафизова, который оказался в этом вагоне, а затем в концлагере вместе с поэтом, Али Шогенцуков заставил поделить буханку хлеба, чтобы предотвратить хаос и драку голодных людей в вагоне: «На одной из станций в наш вагон бросили через окно буханку хлеба. Вырывая друг у друга хлеб, мы вдруг слышали грозный голос, от которого все замерли. Он принадлежал черноглазому худощавому мужчине небольшого роста. Это был Али Шогенцуков, с которым я ранее не встречался. Я в жизни не забуду Али и силу его голоса... Надзиратели... удивлялись стойкости характера, упрямству и гордости этого невысокого, худощавого человека. Только потом я понял, что из-за уважения к нему надзиратели не заставляли нас, адыгов, делать «недостойную» работу» [4]. Со слов этого же свидетеля, заключенных заставляли дробить камни. «Однажды, возвращаясь с работы, мы увидели кабардинского парня, чистящего немцам сапоги. Увидев это и побледнев, Али сказал: «По сравнению с тем, что ты делаешь, дробление камня не тяжелее спичечного коробка, – и дал ему пощечину. Немец и два надзирателя схватили Али и бросили в камеру с каменными стенами без окон... У нас на первом месте были адыгский этикет и гордость. Мы следили за собой, немцы не говорили с нами... на повышенных тонах. Было

очевидно, что нас больше уважают, и в этом была большая заслуга Али» (*там же*). Али отказывался от баланды, которой кормили узников концлагеря, слабел день ото дня. Офицеры-нацисты, знакомые с досье каждого заключенного, предлагали поэту сотрудничество, очевидно, чтобы использовать его влияние на соотечественников. Но каждое предложение он решительно отвергал, после отказа следовали истязания. Он умер, не выдержав пыток и избиений.

Али Асхадович погиб в ноябре 1941 года и был захоронен, по свидетельству нескольких очевидцев, в окрестном лесу неподалеку от Бобруйского концлагеря.

В настоящее время в Бобруйске трепетно хранят память о кабардинском поэте: работает библиотека имени А.А. Шогенцукова, в которой в том числе хранятся его книги, в городском музее жизни и творчеству Али Асхадовича посвящена отдельная экспозиция, Нальчик и Бобруйск объявлены городами-побратимами.

А. Шогенцуков, ровесник XX столетия, стал свидетелем великих и трагических катаклизмов, социальных потрясений, которые явились началом коренной ломки всей государственной машины России. Кровавое воскресенье, Февральская и Октябрьская революции 1917 года, Первая мировая, Гражданская война, раскулачивание, коллективизация, сталинские репрессии, Вторая мировая война – вот далеко не полный перечень драматических глобальных событий, свидетелем и участником которых стал поэт. Это был период политического, социального и культурного кризиса Кабарды после Русско-Кавказской войны. Кабардинский поэт оказался под прессингом драматических событий переходного периода в культуре. Фольклорные традиции оказались на грани полного исчезновения. Адыги пребывали в культурном «вакууме», вызванном целым рядом причин, в первую очередь, резким сокращением адыгского народонаселения, возникновением огромной черкесской диаспоры сначала на территории Турции, а затем во всех странах Ближнего Востока, Азии, Африки, Европы и Америки. Одновременно с отмиранием былой культуры не было создано другой, не сформировался фундамент новой черкесской литературы, эстетически значимого литературного языка. Эти невероятные трудности адаптации к совершенно новой, еще не сложившейся действительности, пришлось на период формирования первой адыгской интеллигенции. Именно ей предстояло осмыслить противоречивую, новую реальность на всех уровнях – от социального до этико-эстетического и философского.

Источники и литература

1. Хакуашева М.А. Современный литературный миф: генезис и тенденции. Вестник АГУ. Серия «Филология и искусствоведение». Майкоп, 2016. № 3.
2. Гос. архив КБАССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2103. С. 2.
3. ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 4. Л. 69.
4. Хабар о последнем слове // Журнал «Дружба народов». № 5. 2015.

NEW INFORMATION ABOUT THE BIOGRAPHY OF A.A. SHOGENTSUKOV (To the 120th anniversary of the classic of kabardian literature)

Khakuasheva Madina Andreevna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Cherkess Literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dinaarma@mail.ru

The article is devoted to new information about the biography of the classic Kabardian literature Ali Askhadovich Shogentsukov, the first professional writer, whose work was the result of assimilation of the basic foundations of the centuries-old development of Circassian culture. On the other hand, his creative heritage and artistic discoveries led to the formation of a new type of

artistic national consciousness. The significance of the poet's creative evolution lies not only in the formation and development of his creative personality, but also in a significant influence on the formation of national literature itself. It is not only a high degree of continuity of the iconic elements of previous epistemic national culture, which dates back to the work of the poet of the XX century, but that in his artistic world at a deep level was found and crossed the West and East, Russia and the Caucasus, Islam and socialism. This variety of terms explains the significance and inconsistency of his work. The article contains new facts that explain the reference to the front of the classic Kabardian literature A. Shogentsukov, which for a long time were not disclosed for ideological and political reasons. Stalin's repressions, which affected almost the entire environment of the poet, found conceptual documentary evidence and were the direct reason for his sending to the front. Archival materials are provided that reveal the circumstances of being in German captivity and shed light on the outstanding personal characteristics that became apparent in the border situation.

Keywords: artistic evolution, national literature, political regime, Stalinist repressions, archival materials, concentration camp, new reality.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-115-122